

Первую половину дня Юн Шань провёл во дворце, выполняя свои обязанности и общаясь с министрами, а после обеда юноша отправился во дворец отца-императора, чтобы справиться о его здоровье.

Юн Шань предполагал, что стража как всегда не позволит ему пройти в комнату Его Величества. Однако в этот раз наследный принц недолго стоял на ветру в крытой галерее. Спустя несколько минут кто-то вышел и объявил высочайшую волю, позвав наследного принца пройти на аудиенцию к императору.

Сердце Юн Шаня ни с того ни с сего охватило холодом.

Юноша понимал, что с последнего визита он, явно, потерял расположение императора.

Царствующий много лет, а ныне тяжело больной отец-император всегда с пренебрежением относился к собственным детям, ведь чтобы быть императором, нужно иметь непоколебимое, словно железо, сердце.

Юн Шань, возможно, в этом плане нарушил запрет Огненного императора Янь-ди.

Следуя за придворным евнухом, юноша прошёл в дворцовые покои.

В комнате горела печка и было теплее, чем в прошлый раз. Одетый в тёплую шубу Юн Шань, войдя в комнату, вспотел.

Наследник престола невольно нахмурил брови, так как ему сложно было представить, что император уже настолько ослаб.

— Сын пришёл справиться о здоровье отца-императора.

Огненный император Янь-ди, похоже, ещё не покидал постель. Мужчина полулёжа сидел на кровати, спиной облокотившись на подушку цвета червонного золота. Болезненный оттенок кожи лица императора был почти схож с цветом подушки.

Огненный император Янь-ди позволил сыну подняться с колен. Хоть вид у отца-императора был нездоровый, однако взгляд по-прежнему оставался острым. И мужчина медленно окинул этим взглядом родного сына.

— С большим трудом болезнь отступает, и пока во мне остались душевные силы, я позвал тебя, чтобы повидаться. Чем был занят наследный принц в последнее время?

Юн Шань почтительно ответил:

— Следовал воле отца-императора: кроме изучения докладных от шести министров, Ваш сын часто слушал лекции наставника.

— Ага, — Огненный император Янь-ди медленно кивнул, — объяснение Ван Цзинцяо о Лао-цзы и Чжуан-цзы получилось неплохим.

— Верно, урок оказался очень полезным.

Сухо перекинувшись словами, двое людей замолкли.

Хоть Юн Шань являлся императору родным сыном, однако между ними словно был слой твёрдой и непробиваемой скорлупы. Атмосфера стала давить.

После очень долгого молчания император безэмоционально спросил:

— В прошлый раз разговор не был окончен, так как наследный принц спешно ушёл. На этот раз наследный принц хочет дослушать историю до конца?

Юн Шань внезапно вздрогнул.

Юноша был очень смыслёным, как он мог не понять намерений Огненного императора Янь-ди?

Всё, что происходило во дворце наследного принца, отец-император видел насквозь, как будто смотрел на огонь, и сейчас давал принцу последний шанс исправить ошибки.

Чтобы сохранить себя, единственным правильным решением было немедля заверить императора, что он порвал отношения с Юн Ци и отказался от него.

Однако, поступив таким образом, хоть он и уцелеет, но на плечи Юн Ци неизбежно ляжет обвинение в бесстыдном соблазнении наследного принца, а это серьёзное преступление. Разве он сможет спастись?

Холод охватил сердце Юн Шаня, а в глазах появилась необычайная решительность. Подумав немного, юноша опустился на колени и сдержанно проговорил:

— Отец-император, разговор окончен, и родной сын не желает ничего больше слушать.

Огненный император Янь-ди слегка изменился в лице, но, придя в себя, не удержался от смеха:

— Ты считаешь, что заткнул мне рот? — Взгляд стал очень суровым.

Юн Шань, нисколько не колеблясь, неожиданно поднял голову:

— Сын проявил грубость перед отцом-императором и должен подвергнуться наказанию. — Юноша приник к земле и стал неподвижен, твёрдо держась, словно отлитое из стали изваяние.

Над головой нависло удушливое молчание.

— Я понял, — вскоре раздался голос императора Янь-ди. — Наследный принц.

— Я здесь.

— Убирайся прочь.

Юн Шань низко поклонился отцу-императору и, поднявшись на ноги, тихо вышел из комнаты.

Император посмотрел на уходящего сына. В его глубоких чёрных глазах скрывалось то, что никто не мог увидеть: необъятная тьма и охватывающий душу холод.

Глядя на выдающийся и стройный силуэт, который, мелькнув за дверью, медленно исчезал, мужчина глубоко вздохнул и прошептал:

— Можете выйти.

Из-за опущенной дворцовой занавески вышли двое людей.

Одним из этих двоих был хорошо толкующий Лао-цзы и Чжуан-цзы наставник Ван Цзинцяо, а вторым — вызывающий огромное доверие императора Янь-ди старый лекарь Чэнь Жуньтун.

Император, избегая учтивых поклонов с их стороны, позволил присесть на расписные табуреты-бочонки, что стояли перед кроватью, и спросил:

— Вы слышали слова наследного принца?

Двое мужчин хранили молчание, с серьёзностью на морщинистых лицах они слегка кивнули, так и не проронив ни слова.

Огненный император Янь-ди со вздохом произнёс:

— Он сегодня явился сюда, чтобы, оказывается, раскрыть свои карты мне, отцу-императору. Из-за этого дела моего наследника престола, боюсь, совершенно не заботит собственная жизнь, а о титуле и говорить не стоит. Неужели он не боится, что я разозлюсь и лишу этих двух непослушных сыновей жизни? — холодно фыркнул император, обнажая гнев.

Увидев разгневанного императора, Ван Цзинцяо поднялся на ноги и сказал:

— Прошу Ваше Величество выслушать старого слугу.

Старик, поклонившись Огненному императору Янь-ди, медленно проговорил:

— В императорском дворце таятся грязь и мерзость, и народ ждёт, когда всё это получит публичную огласку. Двое титулованных принцев действительно ведут себя неподобающе, однако сейчас самыми основными являются государственные дела, а укрепление и стабильность — главное. До старого слуги дошли вчерашние слухи, что Его Высочество Юн Шэн много раз связывался с провинциальными чиновниками и ещё несколько раз тайно наносил визит своему дяде. А брат наложницы Цзинь, находясь у власти, также неоднократно нёс разный вздор, и это не фунт изюму[1]. Прошу императора трижды подумать.

— Ты являешься его наставником, а между учителем и учеником бывают дружеские отношения и, естественно, ты защищаешь его. — Император посмотрел на придворного лекаря Чэня: — Почему мой дорогой друг ничего не говорит?

Придворный лекарь Чэнь, свесив голову, подумал, поднялся на ноги и, поклонившись Огненному императору Янь-ди, ответил:

— Это является домашними заботами Вашего Величества, и старый слуга не смеет говорить глупости. Какие принять меры, решать лишь Вашему Величеству.

— Твои слова прозвучали уклончиво, — сказал Огненный император Янь-ди, однако гнев его несколько утих. Мужчина, немного подумав, проявил на лице усталость и, легонько помахав рукой, сказал: — Уйдите. Ах, эти два ребёнка, ах, мои сыны.

Юн Шань с тяжёлым сердцем вернулся во дворец наследного принца.

Чан Дэфу спешно выскочил наружу, чтобы встретить его и сразу же доложить:

— Ваше Высочество хотел, чтобы слуга отнёс Его Высочеству Юн Шэну множество вещей. Ваш слуга отправил людей с подарками, но Его Высочества Юн Шэна на тот момент не было дома, слуги сказали, что он уехал из дворца. Наложница Цзинь, посмотрев на подарки, рассмеялась, расхваливая Ваше Высочество за внимательность.

Юн Шань не обращал на мужчину никакого внимания, швырнув хлыст слугам, напрямиком

направился во дворец, что находился слева. Привычно проходя мимо двери комнаты, где жил Юн Ци, юноша внезапно остановился.

Следующий сзади Чан Дэфу увидел, что юноша остановился, и украдкой посмотрел на него.

Этого наследного принца также было жаль.

Разве не дорожил он Его Высочеством Юн Ци, словно драгоценной жемчужиной? Как в одночасье он смог передумать, да ещё дать то свидетельство, позволяющее Его Высочеству Юн Линю забрать Его Высочество Юн Ци?

Теперь, вероятно, он сожалел о содеянном.

Понимая, что в душе наследный принц опечален, Чан Дэфу с осторожностью тихо проговорил:

— Сегодня приходил Его Высочество Юн Линь, Ваш слуга сначала хотел преградить ему путь, однако он показал свидетельство Вашего Высочества и сказал, что Ваше Высочество позволил ему забрать Его Высочество Юн Ци.

После недолгого молчания Юн Шань спросил:

— Уже ушли?

— Да, Его Высочество Юн Линь после того, как пришёл, сказал несколько слов Его Высочеству Юн Ци, и они вдвоём сразу же ушли.

Тихо проронив: «М-м», юноша мягко произнёс:

— Ушли, хорошо. — И, обратившись к Чан Дэфу, приказал: — Ты можешь идти делать свои дела, не нужно меня тревожить.

— Тогда Его Высочество Юн Ци...

Юн Шань, потеряв терпение, нахмурился:

— Делом Юн Ци впредь не докучай мне.

Наследника престола разозлить было быстрее, чем перелистнуть книгу: только что он был спокоен, словно ясный день, а сейчас его лицо помрачнело. Увидев это, Чан Дэфу испугался, замолчал, словно цикады зимой, и спешно удалился по своим делам.

Проводив слугу взглядом, Юн Шань вошёл в комнату.

Юн Ци, конечно же, там не было.

Юноша оглядел комнату и лишь почувствовал горечь, вспоминая, что здесь, где совсем недавно жил старший брат, всё ещё хранится его запах.

Он открыл шкаф и посмотрел внутрь, тот был заполнен вещами.

Юн Ци так торопился уйти, что даже не забрал с собой вещицы, которые юноша лично дарил ему, чтобы его порадовать.

Пожалуй, это слишком бесчувственно.

Юн Шань вздыхал, однако совершенно не испытывал ненависти. Юноша блуждал по комнате и трогал вещи. Хотя всё казалось приветливым и милым, но всё же принцу было одиноко и нерадостно.

Сейчас здесь были только он и оставленные Юн Ци вещи.

Сделав круг по комнате, Юн Шань в итоге сел на кровать и жадно вдохнул воздух.

Запах Юн Ци, который прежде витал в комнате и которого осталось совсем мало, мог рассеяться.

Осталось немного.

В глубине души Юн Шаня с каждым разом становилось холоднее.

Юноша не чувствовал огромной грусти, ведь это чувство он испытал очень давно, и сейчас оно уже не было столь сильным. Мир хоть и был большим, но кто бы полюбил такого холодного и бесчувственного человека, как он?

Юн Ци?

Верно, он сам дал обещание отпустить Юн Ци, однако даже если он ушёл, то почему не оставил записки или что-нибудь, что могло бы напоминать о нём?

Юн Шань чувствовал, как медленно переворачивающийся в груди ком льда разбивал вдребезги всё, что было, оставляя лишь холодную и печальную насмешку.

Он уже считал, что старший брат что-то чувствует к нему.

На самом деле чувств совсем не было.

Он с радостью оставил его.

Юн Шань одиноко сидел в комнате и внезапно горько улыбнулся.

Хорошо, что он ушёл, избежав ненужного бремени.

Сегодня наследный принц посмел поступить так, как ему захотелось, и, хоть сразу его не подвергли наказанию, однако юноше не избежать последствий.

Ему слишком хорошо известно, каким жестоким может быть отец-император.

Если наложит опалу, то по какой причине?

Юн Шань тихо размышлял.

Заведую докладными записками, он всегда следовал высочайшему повелению и никогда не поступал опрометчиво в тех делах, что были вне его компетенции, да и ошибок, которые могли бы усугубить положение, у него не было.

Крайне осторожно заводил дружбу с министрами, никогда не осмеливался говорить то, чего не следует, и с иноподданными, с которыми наследному принцу нельзя было завязывать дружеские отношения, также старательно отказывался общаться.

Единственное, что отец-император считал неприемлемым, — отношения с Юн Ци.

Однако домашние дразги нельзя было придавать огласке. Даже если отец-император сильно разозлится, обвинение братьев в кровосмешении также нельзя было разглашать.

Иначе как император смотрел бы в глаза чиновникам и народу Поднебесной?

Юн Шань думал и, не найдя ответа, успокоился.

Так или иначе, чему быть, того не миновать.

Юноша поднялся на ноги и, дойдя до большого, сделанного из сандалового дерева, шкафа, что стоял у стены, вытащил маленький свиток и развернул его на столе.

На бумаге сдержанным почерком Юн Ци было написано два слова — «совершенномудрый бесчеловечен».

Юн Шань пристально вглядывался во второе слово, вскоре уголки губ изогнулись в очень ласковой улыбке, и юноша тихо проговорил:

— Старший брат, ты в итоге всё же оставил это мне.

Юноша с осторожностью скользнул по бумаге, словно гладил нежное тело Юн Ци.

Он смотрел на эти два слова, позволяя времени беззвучно скользить мимо.

Выйдя из Холодного дворца, Юн Ци без сознания рухнул в объятия Юн Линя, у которого от страха душа ушла в пятки. На улице шёл снег, а у дворца не было места, где можно было укрыться от холода. Вокруг ни одной живой души, которая могла бы позвать придворного лекаря. Подняв Юн Ци на руки, юноша сразу же направился к покоям придворных лекарей.

Дойдя до места, юноша спешно пнул ногой калитку и, войдя во дворик, сразу же зашумел:

— Эй, кто-нибудь! Скорее, кто-нибудь, сюда!

В этот момент дежурные лекари императора, что находились в крытой комнатке и грелись у огня, беседуя, тут же побросали фрукты и всякие мелочи и выскочили на улицу. Увидев бледное, словно полотно, лицо Юн Ци, лекари не осмелились проявить неуachtивость.

В конце концов, если один из сынов императора умрёт здесь, то все они понесут за это ответственность.

Мужчины немедленно подскочили и, подняв юношу на руки, помогли перенести Юн Ци в комнатку, взяли нужные лекарства, стали проверять пульс и суетиться вокруг юноши. Только после этого старший придворный лекарь Хуан вышел и, обращаясь к Юн Линю, доложил:

— Пульс Его Высочества Юн Ци очень слабый. Вредное влияние климата сильно сказалось на нём: замедленная жизненная сила не даёт свободу мужской силе, недостаточность энергии «ян», разрушение энергии «ци», к тому же во внутренних органах имеется недостаточность «инь» и «ян»...

Юн Линь беспокойно топнул ногой и, указывая на нос лекаря, проговорил:

— Сколько ещё Вы собираетесь сыпать медицинскими фразами, скорее скажите, что с моим старшим братом?

— Ну, здоровье Его Высочества Юн Ци всегда было слабым, должно быть, он простудился, в противном случае его очень печальные мысли передались сердцу, поэтому жизненная сила стала прерывистой...

Примечания:

[1] «Не фунт изюму» разг. шутл. о чём-либо важном.

<http://bllate.org/book/13372/1189601>